

Сладкая Арман

**ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ.
ОТЕЦ ЖЕНИХА**

УДК 82-3
ББК 84-4
А83

А83 **Арман С.**
Запретная любовь. Отец жениха / Сладкая Арман – М.: Литнет, 2025. – 120 с.

ISBN 978-5-521-94662-4

Мой брак должен был стать спасением для семьи. Но я не знала, что встречу его — отца моего жениха. Его властный взгляд, его тихий голос, его запретное прикосновение свели меня с ума. Мы рискнули всем ради этой страсти. Ради ночей, за которые придется платить всю жизнь. Смогу ли я смотреть в глаза обманутому жениху? Выдержит ли наша любовь испытание болью и предательством?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94662-4

© Литнет, 2025
© С. Арман, 2025

Глава 1

Любовь

Бриллиантовое кольцо на моем пальце весило тонну. Оно было прекрасным, идеально ограненным, холодным и абсолютно чужим. Я сидела напротив Жени в самом пафосном ресторане города, а он, улыбаясь своей ослепительной голливудской улыбкой, рассказывал о предстоящей поездке на Бали. Вернее, он говорил о том, какие фотографии мы там сделаем для его инстаграма.

– Люб, ты только представь: закат, ты в этом белом платье от Эли Сааб, я в диорском смокинге. Бомба просто! Подписи добавим – что-то вроде «С любимой на краю света». Гениально, да?

Я машинально улыбнулась и отхлебнула воды. Горло пересохло. «На краю света». До него, кажется, рукой подать. Мне было двадцать три, я только защитила диплом по искусствоведению, а моя жизнь уже была расписана как сценарий к плохому ромкому. Сценарий, написанный не мной.

– Да, Женя, гениально, – выдавила я.

Его телефон завибрировал, и он тут же уткнулся в экран, оставив меня наедине с моими мыслями и осетриной на тарелке. Я смотрела на него – красивого, успешного, легкомысленного Женю. Спасителя нашей семьи. Когда папа потерял работу, а долги росли как снежный ком, его предложение руки и сердца стало тем самым чеком, который закрывал все проблемы. Мама плакала от счастья, папа молча обнял меня, и в его глазах я прочитала немую просьбу и извинение. А как можно отказать тем, кто тебя вырастил? Кто любит? Я сказала «да». И теперь носила на пальце этот холодный, давящий камень.

– Все, извини, дела, – Женя отложил телефон и потянулся через стол, чтобы взять мою руку. Его пальцы были ухоженными, мягки-

ми. Рука человека, который не знал тяжелого труда. – Скоро познакомишься с отцом. Он сейчас в отъезде, возвращается завтра.

Мое сердце дрогнуло. Анатолий Владимирович. Я видела его лишь пару раз мельком, на крупных благотворительных вечерах, куда меня водила мама в надежде на «нужные знакомства». Он всегда был в центре мужской стаи деловых людей, высокий брюнет, с проседью на висках, и тяжелым, будто просверливающим взглядом. Он не произнес в мою сторону ни слова, но его мимолетный, скользкий взгляд заставлял меня инстинктивно выпрямить спину и отвести глаза. Он пугал меня своей неукротимой, звериной силой, которая чувствовалась даже на расстоянии. Он был полной противоположностью своему легкомысленному сыну.

– Он согласен с нашим браком? – осторожно спросила я.

Женя фыркнул, доедая свой стейк.

– Конечно! Ну, сначала вскипел, мол, «женишься как все нормальные люди, в сорок лет». Но я ему объяснил, что ты не какая-то там... ну, в общем, что из хорошей семьи, умная, красивая. Имя у тебя правильное – Любовь. Для пиара то, что надо. Он у меня прагматик, все просчитал. Понял выгоду.

«Выгоду». От этого слова стало тошно. Я была выгодным активом. Аккуратной, тихой, с хорошей репутацией.

– А где мы будем жить? – спросила я, уже боясь ответа.

– В главном доме, конечно! У папаши там дворец. Я свое гнездо еще не свил, а он настаивает, чтобы мы пожили с ним. Говорит, «присмотрю за вами». Ну, ты не бойся, он целыми днями на работе, почти призрак.

Мысли о жизни под одной крышей с грозным Анатолием Владимировичем заставило меня внутренне сжаться.

После ужина Женя повез меня к себе. Квартира в самом центре, снятая им для наших встреч, была стерильно чиста и похожа на выставочный образец дорогого дизайнерского интерьера: холодный мрамор, хромированный металл, абстрактные картины

на стенах, которые ничего не значили. Ни одной личной вещи, кроме пачки виниловых пластинок у огромного проигрывателя.

– Нравится? – обнял он меня сзади, прижав к себе. Его губы коснулись моей шеи, и я почувствовала, как по коже побежали мурашки – не от желания, а от смутной тревоги.

– Очень... стильно, – нашла я.

– Я так и знал. А теперь самое интересное, – Женя развернул меня и повел в спальню.

Он целовал меня умело, его язык скользил по моим губам, зубам, небу, выучивая каждую деталь с деловым подходом. Его пальцы растегнули платье, и ткань с шелестом упала на пол. Евгений отвел шаг, чтобы полюбоваться мной, и его взгляд был лишен страсти – скорее, это был взгляд коллекционера, оценивающего новый экспонат.

– Идеально, – прошептал он, и это прозвучало как вердикт.

Женя снял с меня белье, его прикосновения были уверенными, будто он следовал некоей инструкции. Уложил меня на идеально застеленную кровать, и холод шелкового белья заставил меня вздрогнуть. Его ладони скользили по моей коже, вырисовывая узоры на животе, бедрах, груди. Он знал все эрогенные зоны, нажимал на нужные кнопки, и мое тело послушно отзывалось легкой дрожью, тихими стонами. Физиология делала свое дело.

Но я была вне себя. Я наблюдала за происходящим со стороны, как будто это было кино. Я отмечала про себя, что свет от торшера отбрасывает интересные тени на его накачанный пресс, что его кожа пахнет дорогим мылом с ароматом сандала, что он дышит ровно и ритмично, как марафонец. В голове крутился бесконечный список дел: «Не забыть завтра забрать платье из химчистки... Передать маме чек за ужин... Написать Светке, что не смогу на ее выставку...»

Он вошел в меня плавно, без суеты. Его движения были отточенными, глубокими, идеально выверенными по ритму. Я обняла его за плечи, впила пальцами в упругие мышцы, издавала правиль-

ные звуки, двигалась ему навстречу. Волны удовольствия накатывали, отдавались теплом внизу живота, но это было какое – то локальное, изолированное удовольствие, не затрагивающее душу. Он шептал мне на ухо комплименты, и они звучали как заученные фразы из романтического фильма.

В самый пик, когда его тело напряглось, а из груди вырвался низкий стон, он не зажмурился. Его глаза были открыты, и он смотрел куда – то мимо меня, на темный экран телевизора, отражавший нашу сцену. И в этот момент я поняла всю глубину нашей разобщенности. Мы занимались любовью, не видя друг друга.

После он легко откатился на бок, тяжело дыша, и через мгновение его дыхание стало ровным и глубоким. Он уснул, как будто выключили кнопку. Совершил положенный акт и перешел в режим ожидания.

Я лежала на спине, чувствуя, как по внутренней стороне бедра медленно стекает капля его пота. На мне не было ни клочка одежды, но я не чувствовала себя обнаженной. Я чувствовала себя пустой. Бриллиант на моем пальце отбрасывал на потолок крошечный, насмешливый блик. Тихо подобрал с пола шелковый халат, накинула его, вышла на балкон. Ночной воздух был прохладным и живым. Я вдохнула его полной грудью, пытаюсь смыть с себя ощущение фальши и одиночества. Где-то внизу гудел город, жил своей жизнью. А я стояла в золотой клетке будущей госпожи Егоровой и понимала, что мое тело только что было использовано, а душа даже не заметила этого. Привыкну – попыталась убедить я себя – многие так живут. Но где-то в глубине, под грудой долга и вины, шевельнулось семя будущего бунта. Оно было крошечным, но живучим.

Глава 2

Машина Жени плавно зарулила за кованые ворота, и у меня перехватило дыхание. «Дворец» – это было не преувеличением. Перед нами высился трехэтажный особняк из темного кирпича и стекла, строгий, монументальный и подавляющий своей бездушной совершенностью. Ландшафтные дизайнеры, казалось, с линейкой вывешивали каждый куст, каждую травинку. Ничего лишнего.

– Ну, как? – самодовольно спросил Женя, гася двигатель. – Гнездышко. Отец построил лет десять назад. Говорит, для семьи. Ирония судьбы, да? – он хохотнул.

Я молча кивнула, сжимая в руках сумку. В горле стоял ком. Это был форпост, крепость Анатолия Владимировича, и мне предстояло в ней поселиться.

Внутри было пустынно и гулко. Высокие потолки, пол из полированного темного дерева, стены цвета слоновой кости, украшенные безликой абстрактной живописью. Пахло дорогой полировкой, свежими цветами в напольных вазах и легким, едва уловимым ароматом сандалового дерева – мужским, властным. Пахло им.

Нас встретила суховатая женщина в строгом платье и переднике – экономка Лидия Михайловна.

– Евгений Анатольевич, Любовь Викторовна, добро пожаловать. Ваши вещи уже отнесены в ваши комнаты. Анатолий Владимирович вернулся утром, он в кабинете. Ждет вас к обеду.

У меня похолодели пальцы. Он уже здесь. Женя, не обращая внимания на мою бледность, потянул меня за собой по длинному коридору.

– Не тушуйся, он не кусается, – бросил он через плечо. – Главное – не спорь и кивай. Он это любит.

Мое сердце колотилось где – то в районе горла. Мы остановились у массивной дубовой двери. Женя, недолго думая, постучал и сразу вошел.

Кабинет был огромным, залитым светом от панорамного окна. Воздух был густым от запаха старой кожи, бумаги и того самого дымного аромата, что витал в холле. И он сидел за огромным столом из темного дерева, погруженный в изучение документов. Анатолий Владимирович.

Вот так, впервые вблизи, он показался мне еще более внушительным, чем издалека. Широкие плечи под идеально сидящей рубашкой, седина у висков, которая не старила, а лишь добавляла авторитетности. Он поднял голову, и его взгляд, тяжелый и оценивающий, упал сначала на сына, а затем на меня. И все. Просто взгляд. Но у меня перехватило дыхание, будто на грудь положили гирю. Это был не взгляд свекра на невесту сына. Это был взгляд хищника, мгновенно оценивающего добычу. Быстрый, сканирующий, проникающий под кожу. Он не улыбнулся. Лишь слегка кивнул.

– Жень. Любовь Викторовна. Проходите.

Его голос был низким, немного хрипловатым, как будто от долгого молчания или от хорошего коньяка. Он обвел нас обоих своим взором и отложил ручку.

– Ну, что, познакомились? – его вопрос повис в воздухе. Он не уточнял, что именно имел в виду – нас с Женей или с домом.

– Да, пап, все отлично! – бодро отрапортовал Женя, плюхаясь в кожаное кресло. – Люба в восторге от дома. Правда, Люб?

Я почувствовала, как на меня снова устремляется тот самый взгляд. Пристальный, не отпускающий. Мне стало жарко.

– Дом... очень впечатляющий, – тихо сказала я, глядя куда-то в район его галстука.

– Он не должен впечатлять, – парировал Анатолий Владимирович, не отводя от меня глаз. – Он должен быть удобным. Надеюсь, вам здесь будет удобно, Любовь Викторовна.

Он сказал мое имя медленно, как бы пробуя на вкус. От его произношения по спине пробежали мурашки.

– Спасибо, я постараюсь не мешать, – прошептала я.

Он хмыкнул, и в уголке его губ дрогнула тень улыбки.

– В этом доме сложно мешать. Он большой. Лидия Михайловна покажет вам ваши апартаменты. Женья, ко мне, нужно обсудить кое-какие документы по свадьбе.

Мне было приказано удалиться? Я почувствовала себя школьницей, вызванной к директору.

– Конечно, – кивнула я и, не глядя на него, поспешила к выходу.

Моя комната – нет, целые апартаменты – находились в противоположном крыле от Жениных. Об этом мне сразу сообщила домработница. Роскошные, с огромной кроватью, собственным будуаром и выходом на небольшой балкон с видом на парк. Мои скромные чемоданы жалко ютились посреди простора. Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, пытаясь унять дрожь в коленях. Это было не просто напряжение. Это было что-то другое. Что-то острое, колющее, щекочущее нервы. Его взгляд... он видел меня. Не невесту сына, не красивую картинку, а именно меня. И в этом взгляде не было ни одобрения, ни осуждения. Был чистый, нефилтрованный интерес. И это пугало и смущало меня одновременно.

Вечером за ужином было не лучше. Мы сидели за длинным столом, способным вместить два десятка человек. Анатолий во главе. Я – напротив, рядом с Женей. Он расспрашивал сына о делах, о предстоящих планах, и Женья отвечал немного по – юношески, заискивающе. Я молча ковыряла вилкой салат, чувствуя себя невидимой.

– А вы, Любовь Викторовна, я слышал, искусствовед? – неожиданно обратился он ко мне.

Я вздрогнула, чуть не уронив вилку.

– Я... только закончила университет. Магистратуру.

– Что же вас привлекает? Ренессанс? Барокко? Или, может, что – то современное, непонятное? – в его голосе слышалась легкая насмешка, вызов.

Я заставила себя поднять на него глаза. Он глядел на меня, опер-

шись подбородком на сцепленные пальцы. Женя с интересом смотрел то на него, то на меня.

– Меня привлекает... искренность, – выпалила я, сама удивившись своей смелости. – Вне зависимости от эпохи. Когда художник не врет. Даже если это некрасиво.

Наступила тишина. Женя замер с бокалом у губ. Анатолий Владимирович медленно отпил вина, его глаза не отпускали меня.

– Искренность, – повторил он задумчиво. – Редкий и опасный товар в наше время. Не находите?

– Отец, не пугай ты мою невесту своими философиями! – встрял Женя, пытаясь разрядить обстановку. – Она у меня впечатлительная!

Анатолий медленно перевел взгляд на сына, и тот сразу поник.

– Я не пугаю, – мягко произнес он. – Я интересуюсь. Пожалуйста, продолжайте, Любовь Викторовна.

Но я уже все сказала. Мужество покинуло меня. Я опустила глаза.

– Я, устала с дороги, – промямлила я. – Прошу прощения, можно я пойду?

– Конечно, – его голос снова стал формальным, холодным. – Отдыхайте.

Я вышла из-за стола, чувствуя его взгляд у себя на спине. Он прожигал ткань платья.

В своей комнате я снова прислонилась к двери, сердце бешено колотилось. Это была не неприязнь. Не страх. Это было нечто гораздо более сложное и тревожное. Он видел во мне человека. Интересовался моим мнением. И в этом простом факте было больше интимности, чем во всей предыдущей ночи с его сыном.

Я подошла к окну и посмотрела на темнеющий парк. Где-то в этом доме был он. Человек, чей один только взгляд заставлял мое тело трепетать от непонятной, запретной тревоги. И я с ужасом понимала, что жду следующей встречи. Жду того момента, когда наши глаза снова встретятся, и я снова почувствую этот обжигающий, стыдный, пьянящий интерес. Это было неправильно. Это было опасно. Но это было единственное, что за последние недели заставляло меня чувствовать себя живой.